

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ "РУССКО-ЛИТОВСКИХ" ВОЙН КОНЦА XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI в.

Статья является продолжением опубликованных ранее материалов (№ 1(34) за 2009 год). Авторы анализируют наиболее важные научные работы российских историков, вышедшие в XIX – начале XX ст. по вопросам, касающимся военно-политических конфликтов между Московским государством и Великим княжеством Литовским.

Сдержанные настроения присутствуют и при анализе самих военных кампаний конца XV – первой трети XVI в. Пограничный конфликт 1492 – 1494 гг. между ВКЛ и Московским государством В.А. Волков называет "хитрой войной" (А.А. Зимин называл ее "странной войной"), поскольку официально она не была объявлена Иваном III. Война была выиграна Москвой, но территориальные потери ВКЛ оказались минимальными. "За Русским государством, – указывает А.Ю. Алексеев, – остались земли перешедших из Литвы князей, и главное – Вязьма" [1, с. 180]. Оценка В.А. Волкова менее оптимистическая: "В итоге стороны договорились признать состоявшимся фактором переход на московскую службу со своими отчинами князей Одоевских, Воротыньских, Белевских, Вяземских и части Мезецких. Однако некоторые из занятых войсками Ивана III городов пришлось вернуть. На литовскую сторону были возвращены Любутск, Серпейск, Мосальск, Опаков и некоторые другие верховские городки, признанные вотчиной Александра Казимировича. Московский государь обязался также не вступать "ни в Смоленск, и во вся смоленские места", ни в Брянск, на которые первоначально претендовал" [2, с. 32-33; 3, с. 63].

Война 1500 – 1503 гг. являлась наиболее результативной для Москвы: в ходе ее ВКЛ потеряло от 1/4 до 1/3 государственной территории; современная российская историография оценивает эти потери в 1/6 земель ВКЛ [4, с. 29]. Российские историки не затрудняют себя ответом на вопрос, какое количество земель попало под власть Ивана III в результате военных действий, а какое – в результате перехода на сторону Москвы порубежных князей Василия Шемячича и Семена Стародубского. Ключевыми моментами кампании считаются Ведровская битва 14 июля 1500 г. и сражение под Мстиславлем 4 ноября 1501г. Если первое военное столкновение действительно можно считать блестящей победой русского оружия, то мстиславские события трудно подвести под такую оценку, хотя их и пытаются представить успехом Москвы. “4 ноября, – повествует А.Ю. Алексеев, – под стенами мстиславля произошло сражение. Князь Михаил Ижеславский, командовавший литовскими силами, был разбит и “едва уже утече в град”. Потери литовцев доходили до семи тысяч человек. Мстиславль русские брать не стали, но землю учиниша пуста” [1, с. 212-213]. Но М.М. Кром считает число потерь “явным преувеличением” [5, с. 181], а Н.С. Борисов замечает, что “бодрый тон летописца не может скрыть того факта, что, увлекшись грабежом беззащитных волостей, воеводы так и не сумели овладеть самим городом Мстиславлем” [6, с. 493]. Общую, наиболее взвешенную оценку, оценку успешной для Ивана III кампании 1500 – 1503 гг., приводит А.Б. Кузнецов: “В Москве отдавали себе отчет в том, что этот успех – лишь начало борьбы за воссоединение всех тех земель, которые входили в состав Древней Руси” [7, с. 21].

На войну 1507 – 1508 гг., подаваемую историографией как “попытка литовского реванша” (так как она была инициирована ВКЛ с целью отвоевания утраченных земель в кампании 1500 – 1503 гг.), существуют три различных суждения. По А.Б. Кузнецову, “развернувшаяся в 1507 – 1508 гг. вооруженная борьба России и ВКЛ ясно показала правящим кругам Литвы, что их попытка реванша оказалась неудачной” [7, с. 30]. В.А. Волков считает, что, “несмотря на несомненный успех, достигнутый войсками Сигизмунда I на смоленском направлении, положение в Великом княжестве Литовском оставалось крайне сложным” [2, с. 52-53]. “Кампания 1508 г., – резюмирует М.М. Кром, – да и вся война не только не принесла московской стороне новых приобретений, но и обернулась чувствительными потерями: литовские войска, изгнав противника из своих пределов, перешли границу, сожгли г. Белую, подступали к Торопцу, а гетман Станислав Кишка, не встретив сопротивления, взял и сжег Дорогобуж, опасность угрожала даже Вязме, правда, вскоре московские войска снова заняли названные города, но Любеч, также захваченный литовцами в этой войне, по мирному договору 8 октября 1508 г. остался за Великим Княжеством” [5, с. 187].

Центральными событиями следующей десятилетней кампании 1512 – 1522 гг. стали взятие Смоленска войсками Василия III в конце июля 1514 г. и последующее крупное поражение московской рати 8 сентября того же года под Оршей. В современной российской историографии эти события представляются рубежом, после которого активность Москвы на западе заметно ослабевает. “Таким образом, – подводит итог А.Б. Кузнецов, – 1512 – 1522 гг. – время наиболее активной борьбы России за воссоединение западнорусских земель, в центре которой оказались Смоленск и Смоленские земли. В это время правительство Василия III, его армия и дипломатия сосредотачивают свои усилия на возвращение Российскому государству этих исконно русских земель. Несмотря на неудачи смоленских походов 1512 – 1513 гг., русскому командованию в 1514 г. уда-

ется добиться перехода города под власть России. Это был не только военный, но и политический успех Москвы и показал не только ВКЛ, но и всей Европе, что Российское государство превратилось в значительную силу, способную решать масштабные внешнеполитические задачи. Именно после взятия Смоленска международная обстановка для России приобретает все более выгодный характер и ее авторитет заметно возрастает" [7, с. 48]. Но, по оценке В.А. Волкова, и "факт сокрушительного разгрома русской армии в сражении под Оршей очевиден, и результаты его не замедлили сказаться", а "Василий III был вынужден заключить перемирие, отказавшись от части своих претензий к Литве. Это касалось, прежде всего, вопроса о возвращении пленных и требования о присоединении к своему государству Киева, Полоцка и Витебска" [2, с. 59, 64].

Авторский коллектив "Истории внешней политики России" считает, что "взятие Смоленска привело к активным действиям литовских войск, которые закончились победой под Оршей, но дальше развить военный успех литовцам не удалось. Граница между Россией и Литвой, установленная после этого похода, просуществовала, почти не меняясь, до конца XVI века" [8, с. 117]. Позиция М.М. Крома еще более бескомпромиссна, потому что "присоединение Смоленска к Русскому государству не было следствием проснувшейся у горожан тяги к Москве, а носило для них вынужденный характер". В ходе затяжных войн, длившихся с перерывом всю первую треть XVI в., московским воеводам удалось овладеть (и то после четырех осад) лишь одним городом, Смоленском, а после 1514 г. все их попытки захватить Полоцк, Витебск, Мстиславль и другие города ВКЛ окончились безрезультатно" [5, с. 194, 228].

Пятая по счету "русско-литовская" война 1534 – 1537 гг. никак не вписывалась в советскую объединительную концепцию, которая провозглашала, что Литва при Иване III терпела поражения практически во всех сражениях, и этот тезис был распространен на все войны между ВКЛ и Московским государством в годы правления Василия III и малолетнего Ивана IV, исключая разве что Оршанскую битву 1514 г. Однако оценки кампании 1534 – 1537 гг. полярны. "Расчет литовских властей, – пишет В.А. Волков, – на быструю и победоносную войну не оправдался", ВКЛ не удалось вернуть Северскую землю и Смоленск, но война закончилась для державы Ягеллонов хотя и небольшим, но весьма существенным приобретением – отвоеванным Гомелем и его волостью. В ходе кампании "посполитое рушенье" и польский отряд взяли Стародуб, в развалины были обращены Почеп и Радогощ, а южный участок оборонительной линии Московского государства был уничтожен. В 1535-й, кульминационный год войны, военное командование ВКЛ тактически переиграло московскую военную верхушку и начало наступление не на Смоленск, а в Северскую землю. "Но русские воеводы, – признает В.А. Волков, – приняв ряд необходимых мер, все же не смогли разгадать направление главного удара армии гетманов Ю.Н. Радзивилла и Я. Тарновского", а Сигизмунд I "тщательно рассчитал свои силы и добился значительного успеха" [2, с. 73-74, 77].

Иную позицию занимает М.М. Кром: "исключением является разве что Стародубская война 1534 – 1537 гг., начатая литовцами и закончившаяся вничью" [9, с. 39]. "В целом война 1534 – 1534 гг. продемонстрировала определенное равновесие сил: Литва не могла добиться возвращения потерянных земель (кроме Гомеля), Москва с той поры прекратила на двадцать с лишним лет попытки присоединения новых западнорусских городов" [5, с. 198; 10, с. 146-147].

Иначе говоря, современная российская историография признает, что цели, поставленные Иваном III и Василием III на западном внешнеполитическом на-

правлении, были осуществлены лишь частично. Потеряв Смоленск, ВКЛ все же прочно удерживало свои восточнославянские территории и, в свою очередь, наносило Московскому государству ощутимые удары. Странно звучит заключение А.Б. Кузнецова, что даже после оршанского поражения русское командование “уже вскоре полностью берет инициативу на русско-литовском фронте на себя и войска великого князя Московского переходят к активным и широким военным действиям против литовских войск. Удары русских становятся все более опасными для противника. Перед правящими кругами Литвы явственно вырисовывается перспектива катастрофы” [7, с. 56]. Но авторы коллективного труда по внешней политике России считают, что “основным направлением русской внешней политики в это время становится восточное” [8, с. 118].

Наиболее интересна и оценка причин скромных успехов Московского государства в борьбе с ВКЛ. “Нарастающие различия в строе этих государств, – считает С.В. Думин, – и, в частности, более привилегированное положение жителей Великого княжества, и в первую очередь – местных феодалов по сравнению с феодалами Московской Руси отнюдь не способствует широкой популярности среди них “московской” программы объединения” [11, с. 124]. “Православные князья, – делает вывод М.М. Кром, – занимали в начале XVI в. не первостепенное, но вполне прочное место в социально-политической системе Великого княжества. Растворяясь в среде формирующегося шляхетского сословия, они получали взамен воспоминаний о принадлежавших некогда их предкам княжеских правах вполне реальные дворянские привилегии – имущественные, социальные, политические” [12, с. 152]. “Отнюдь не отрицая важности других факторов (внешнеполитической обстановки, соотношения военных сил Москвы и Литвы и др.), – продолжает историк, – следует признать, что именно позиция западнорусского населения определяла, в конечном счете, характер и результаты русско-литовских войн конца XV – первой трети XVI в.” [5, с. 229].

Отметим постоянно снижающуюся в историографии оценку военных возможностей Москвы на западе. М.М. Кром считает, что в кампании 1534 – 1537 гг. общая численность русских войск составляла 110–120 тысяч воинов [13, с. 80–82], по мнению В.В. Пенского, “к началу 40-х гг. XVI в. численность московского войска достигла примерно 90 тыс. воинов, и московский государь мог, правда, ценой значительного напряжения сил, выставить в поле сразу 50 тыс. или даже более ратников” [14, с. 11], а С.М. Каштанов полагает: “30–40 тысяч воинов – это не половина или какая-то часть русской армии, а практически вся или почти вся армия XVI века” [15, с. 22–23]. Общий военно-стратегический анализ войн ВКЛ и Московского государства (1492 – 1494, 1500 – 1503) в годы правления Ивана III сделал Ю.Г. Алексеев: “эпоху Ивана III можно считать одной из самых плодотворных в истории нашей страны”. За сорок с лишним лет непрерывных походов были достигнуты блестящие стратегические результаты, определившие дальнейшие судьбы Российского государства” [16, с. 431]. Аналогичных выводов придерживается военный историк В.А. Золотарев [17, с. 37–40].

Вместе с тем в трудах исследователей встречаются неточности, ставшие традиционными для российской историографии. Белорусская часть ВКЛ именуется “Западной Русью”, в отдельных трудах можно встретить упоминания о наличии в белорусских городах XV в. “литовских гарнизонов” и “мест компактных поселений католиков – литовцев и поляков” [8, с. 109]. Например, работы А.Б. Широкограда имеют невысокое научное содержание и представляют чисто историографический интерес [18, с. 255–256; 19, с. 92–125].

Заклучение

Таким образом, современная трактовка российскими историками “русско-литовского” военного противостояния конца XV – первой трети XVI в. существенно отличается от его интерпретации советской историографией. Российские исследователи отмечают, что, несмотря на несомненные успехи на Западе, Ивану III и Василию III не удалось собрать бывшие древнерусские земли под властью Москвы и их объединительная политика была реализована лишь частично. Она не встретила отклика со стороны восточнославянского населения ВКЛ. Держава Ягеллонов удерживала основную часть своих восточных владений. Попытка Москвы разыграть “конфессионную карту” имела единичные успехи – подавляющая масса православных феодалов ВКЛ сохраняла верность ягеллонской династии и вместе с горожанами оказывала активное сопротивление московским войскам.

Походы “государевых ратей” в пределы ВКЛ совсем не напоминали триумфальное шествие. Они сопровождались серьезными потерями, материальными издержками, а затем и разочарованиями московской военной элиты, явно завывавшей свои возможности после первых успехов. Территориальные приращения Московского государства за счет ВКЛ прекратились после “смоленского взятия”, а граница, установившаяся по итогам войн, просуществовала целое столетие. ВКЛ наносило противнику ответные ощутимые удары, демонстрируя более высокий тактический уровень и стратегический кругозор проводимых военных мероприятий.

Анализ работ историков позволяет говорить о появлении в современной российской историографии новой концепции военного конфликта между ВКЛ и Московским государством в конце XV – первой трети XVI в. “Русско-литовские войны” вытекали из внутренней политики обоих княжеств, в которой война наряду с другими факторами выступала средством пространственного формирования и увеличения государства на основе его экономических и военных возможностей. Новая концепция отличается научностью, разнообразием подходов, качеством исследовательской методики, глубиной выводов и обобщений и способствует созданию реальной картины взаимоотношений восточнославянских народов ВКЛ и Московского государства в наиболее сложный период их исторического развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Алексеев, Ю.Г.** Государь Всея Руси / Ю.Г. Алексеев. – Новосибирск: “Наука” Сибирское отделение, 1991. – 240 с.
2. **Волков, В.А.** Войны и войска Московского государства / В.А. Волков. – М.: Изд-во Эксмо, Изд-во “Алгоритм”, 2004 – 576 с.
3. **Волков, В.А.** “Хитрая война”. Московско-литовское противостояние 1492 – 1494 годов / В.А. Волков // Родина. – 2003. – № 11. – С. 60-63.
4. **Петров, А.** Мечты о “золотом столе”. Киевское наследство в политической жизни средневековой Восточной Европы / А. Петров // Родина. – 2006 – № 4. – С. 25-30.
5. **Кром, М.М.** Меж Русью и Литвой. Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI веков / М.М. Кром. – М.: “Археографический центр”, 1995 – 304 с.
6. **Борисов, Н.С.** Иван III / Н.С. Борисов. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 644 с.
7. **Кузнецов, А.Б.** Внешняя политика Российского государства в первой трети XVI века / А.Б. Кузнецов. – Саранск: Типография “Красный Октябрь”, 2002. – 256 с.
8. История внешней политики России. Конец XV – XVII вв. (От свержения ордынского ига до Северной войны). / редкол.: А.В. Игнатьев [и др.]; отв. ред. А.Н. Сахаров. – М.: Международные отношения, 1999. – 446 с.
9. **Кром, М.М.** Когда отзвонил вечевой колокол / М.М. Кром // Родина. – 2004. – 1995. – № 6. – С. 35-39.

10. **Кром, М.М.** Стародубская война (Война Великого княжества Литовского и Московского государства 1534 – 1537 гг.) / М.М. Кром // Очерки феодальной России. – М.: УРСС, 1999. – Вып. 3. – С. 85-148; См. также: **Кром, М.М.** Стародубская война (1534 – 1537). Из истории русско-литовских отношений / М.М. Кром. – М.: ИД “Рубежи XXI”, 2008. – 140 с.
11. **Думин, С.В.** Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) / С.В. Думин // История Отечества: люди, идеи, решения. Очерки истории России IX – начала XX веков / сост.: С.В. Мироненко. – М.: Политиздат, 1991 – 367 с.
12. **Кром, М.М.** Православные князья в Великом княжестве Литовском в начале XVI века / М.М. Кром // Отечественная история. – 1992. – № 4. – С. 145-154.
13. **Кром, М.М.** О численности русского войска в первой половине XVI века / М.М. Кром // Российское государство в XIV – XVII веках: сб. статей, посвященных 75-летию Ю.Г. Алексева. – СПб.: Изд-во С-Петербургского ун-та, 2002. – С. 67-82.
14. **Пенской, В.В.** Военный потенциал Российского государства в конце XV – XVI веках: количественное измерение / В.В. Пенской // Отечественная история. – 2008. – № 1. – С. 3-13.
15. **Каштанов, С.М.** К вопросу о численности русского войска и народонаселения в XVI веках / С.М. Каштанов // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А.Л. Станиславского. – М.: МГИАИ, 1991. – 280 с.
16. **Алексеев, Ю.Г.** Походы русских войск при Иване III / Ю.Г. Алексеев. – СПб.: Изд-во С.Петербургского ун-та, 2007. – 464 с.
17. История военной стратегии России / редкол.: В.О. Дайнес, А.А. Данилевич, В.А. Пронько и др.; под ред. В.А. Золотарева. – М.: Кучково поле: Полиграфресурсы, 2000. – 588 с.
18. **Широкоград, А.Б.** Дипломатия и война русских князей: от Рюрика до Ивана Грозного / А.Б. Широкоград. – М.: Вече, 2006. – 352 с.
19. **Широкоград, А.Б.** Давний спор славян: Россия, Польша, Литва / А.Б. Широкоград. – М.: Хранитель; Тверь: АСТ, 2007. – 842 с.

Поступила в редакцию 16.10.2009 г.